

КОРПОРАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

С.М. Хенкин

В политологическом сообществе можно встретить два противоположных подхода к определению понятия «корпорация». Сторонники первого подхода считают корпорацию имманентно недемократической структурой, ориентированной на авторитарную политическую систему. В соответствии со вторым подходом, встречающимся реже, корпорация — институция, в которой изначально присутствует демократическое начало.

На мой взгляд, обе эти точки зрения не соответствуют историческим и современным реалиям. «Корпорация» входит в число политологических категорий, которые сами по себе не несут идейно-смысловой нагрузки, являются идеологически нейтральными (как, например, «демократия», «монархия», «республика»). Эти категории «наполняются» идейно-политическим смыслом лишь в соответствующем историческом и социально-политическом контексте. Так, демократия бывает либеральной и нелиберальной, монархии встречаются абсолютные и парламентские, республиканский строй существовал в фашистской Германии и существует в демократических США и Франции и т.д.

В этот же ряд входит понятие «корпорация», которое само по себе лишено идеологического заряда. В разных исторических ситуациях корпорации играли и играют различную политическую роль. Образцами корпоративных режимов в XX в. могут служить салазаровская Португалия и франкистская Испания. Корпорации здесь служили интересам авторитарных режимов, выступали важнейшим слагаемым их политических систем.

К примеру, франкистские власти заявляли, что народ участвует в управле-

нии государством прежде всего через семью, муниципалитеты и «вертикальные профсоюзы». Особенно интересно остановиться на роли последних. Всем рабочим и служащим было вменено в обязанность быть вместе с предпринимателями членами этой корпорации. Руководство же «вертикальных профсоюзов» назначалось сверху донизу. Их ключевое значение в политической системе франкизма подчеркивалось официальной характеристикой франкистского «нового государства» как национал-синдикалистского. Создание корпоративных синдикатов обосновывалось властями задачей подъема национальной экономики. Они осуществляли организацию хозяйственной деятельности, участвовали в регулировании цен. «Вертикальные профсоюзы» укрепляли испанские монополии, так как в их рамках крупные предприниматели договаривались между собой о сферах влияния и квотах производства.

Другую задачу «вертикальных профсоюзов» франкистские власти видели в том, чтобы искоренить классовую борьбу в испанском обществе, заменить классовое сознание трудящихся национальным. Показательно, что в официальной лексике диктатуры слова «рабочий» и «капиталист» заменялись общим понятием «производитель». «Вертикальные профсоюзы» были призваны пробудить у «производителей» энтузиазм и стремление к сотрудничеству на благо режима.

При создании корпоративной структуры расчет делался и на то, чтобы добиться единомыслия испанцев, унификации их потребностей, интересов и поступков. Иными словами, речь шла о превращении населения в сво-

его рода атомистическую общность, объединявшую массы людей изолированных, обособленных друг от друга, подчинявшихся навязываемым извне правилам игры. Уместно привести высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, определявших подобный авторитарно-бюрократический коллективизм как «суррогат коллективности», «иллюзорную», «мнимую» коллективность, которая противопоставляет себя всем входящим в нее индивидам «как нечто самостоятельное»¹.

Практика франкизма скомпрометировала и в конечном счете подорвала созданный им вариант авторитарного корпоративизма.

По-иному выглядят внутренняя организация, функции и политическая роль корпораций в условиях представительной демократии. В 60-е — первой половине 70-х годов руководством действий для западных корпораций была доктрина социальной ответственности бизнеса, предполагавшая социальный пакет для наемных трудящихся внутри компании, а также поддержание высоких потребительских стандартов для своей продукции и соблюдение прав человека. Правда, в конце 70-х — начале 80-х годов бизнес, взяв на вооружение неолиберальную модель, целиком ориентировался на погоню за прибылью, отказавшись от прежней социальной ответственности.

Однако примерно с середины 90-х годов доктрина социальной ответственности бизнеса начала возрождаться. Только теперь она стала именоваться концепцией корпоративного гражданства, значительно расширившись по содержанию. Имеется в виду, что корпорация может не только руководствоваться нормами социально ответственного поведения, но и конструктивно взаимодействовать с внешними и внутренними контрагентами, прежде всего с теми, кто представляет гражданское общество

(их называют стейкхолдерами). В число стейкхолдеров включаются персонал и акционеры компании, местные сообщества территорий, где она действует, потребительские, экологические, правозащитные организации, с которыми сталкивается компания по роду своей производственной и политической деятельности. Бизнес использует организации гражданского общества для реализации своих социальных функций и оказывает им финансовую поддержку, спонсорскую помощь образовательно-технологического характера и т.д. Современная корпорация, таким образом, — сложный социальный организм, включающий в свою орбиту массу стейкхолдеров. Если прежде многие организации гражданского общества выступали исключительно как протестная сила, то теперь они начинают переориентироваться на партнерские отношения с бизнесом, не утрачивая при этом своих лоббистских функций.

Одновременно развивается процесс «социализации» корпоративного бизнеса, его внедрение в системы социальных услуг — здравоохранения, образования, ЖКХ. По существу, речь идет о создании смешанной государственно-частной системы социальных услуг, идущей на смену прежнему государству благосостояния².

Вряд ли сегодня можно говорить о корпоративном гражданстве как о далеком зашедшем процессе. Сходным образом обстоит дело и с реализацией широко-масштабной практики «социализации» корпоративного бизнеса. Путь к дости-

² Подробнее о функциях современной корпорации см.: Перегудов С.П. Группы интересов в условиях перехода к информационному обществу. — Тенденции социальных и политических перемен в условиях перехода к информационному обществу. М.: ИМЭМО РАН, 2004. С. 37–44; он же. Корпоративный капитал и политическая власть: динамика взаимодействия. — Внутривполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 31–34.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 74.

жению этих целей очень сложен и долгов. В идеале его прохождение предполагает замену нынешней либеральной модели глобализации иной — социально ориентированной. Пока же условия острой конкуренции на мировых рынках, усугубляемой мировым финансовым кризисом, определяют нежелание многих крупных корпораций увеличивать риски, связанные с вложениями в социальные программы.

В начале XXI в. корпорации играют новую роль в обществе и государстве. Крупные корпорации, в особенности транснациональные, — это активнейшие акторы на политической арене, неизмеримо превосходящие по экономической мощи других акторов и подчас не уступающие по этим показателям государствам, с которыми они начинают сражаться. Не случайно эксперты говорят о происходящем «корпоративном перевороте».

Позиции корпоративного капитала еще больше усиливает то обстоятельство, что ныне ему не противостоит, как это было еще совсем недавно, организованный труд. По словам видного испано-американского социолога М. Кастельса, «несмотря на то что работа, работники и трудящиеся классы существуют и даже получают все большее распространение в мире, социальные взаимоотношения между трудом и капиталом претерпевают коренные преобразования. Капитал по самой своей сути носит глобальный характер, а труд, как правило, — локальный. Историческая реальность развития информационных технологий такова, что ведет к концентрации и глобализации капитала, причем именно благодаря непреодолимому децентрализующему воздействию сетевых структур. Труд оказывается расчлененным в зависимости от осуществляемых операций, раздробленным по организационному признаку, диверсифицированным в аспекте наличия или отсутствия работы, раздельным в условиях коллективной деятельности...

Труд теряет свое коллективное лицо, растворяется в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования»³.

В этих условиях левые партии и профсоюзы теряют массовую базу и переживают глубокий кризис. Социал-демократы видят теперь основную опору не в рабочем, а в среднем классе. Ближайшим партнером для них становится бизнес. Диапазон расхождений между социал-демократическими и консервативными партиями сужается. Идеологическая мотивированность политики заметно ослабевает (это касается и консерваторов), уступая место прагматизму. Смена партийных элит у власти сопровождается не значительными переменами правительственного курса, а лишь его некоторой корректировкой. Центральный для индустриально общества конфликт между трудом и капиталом в условиях общества информационного отходит на второй план, уступая авансцену конфликтам иного рода — этническим, региональным, конфессиональным.

Резкое ослабление организованного рабочего движения — важная причина того, что крупные корпорации в немалой степени определяют правила игры в политической жизни. При этом их воздействие на общественное развитие оказывается далеко не однозначным. С одной стороны, корпорации закрепляют в западных социумах принцип партийного плюрализма. Дело в том, что различные группировки внутри корпораций поддерживают и правящие, и оппозиционные партии. Участвуя во власти и передаче ее от одной партийной команды к другой, они делают невозможным длительное сохранение монопольного правления одной партии. По словам российского ученого С.П. Перегудова, политический плюрализм, утвердившийся внутри

³ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. — Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 501, 503.

большого бизнеса, «напрямую процедируется на плюрализм партийно-политический»⁴.

С другой стороны, процесс принятия решений, в котором видную роль играет крупный корпоративный бизнес, носит закрытый для общества характер. Решения принимаются закулисно, путем внутриэлитных соглашений, на закрытых совещаниях представителей власти и руководства корпораций. Принципиально важно также, что процесс глобализации выводит интересы корпоративного капитализма за национальные пределы, все более отдаляя космополитизированную элиту от рядовых граждан. Императивы глобализации диктуют руководству корпораций действия в рамках некоего лимитированного «коридора возможностей». Отчасти поэтому верхушка крупных корпораций зачастую участвует в принятии и проведении в жизнь решений, противоречащих интересам многочисленных групп населения. Таким образом, во многом благодаря корпорациям демократия перестает восприниматься тем, чем она является по своей сути — «правлением в соответствии с волей народа». В результате возрастает массовая неудовлетворенность функционированием институтов представительной демократии. Отчуждение миллионов рядовых граждан от этих институтов выхолащивает их реальное содержание.

Итак, с деятельностью крупных корпораций связано развитие двух разнонаправленных процессов в общественно-политической жизни стран Запада — возрастание социальной роли бизнеса, укрепление партийного плюрализма и структур гражданского общества и одновременно отчуждение масс от демократических институтов, постепенная деградация представительной демократии. Как будут развиваться

эти процессы дальше, покажет время. Однако уже сейчас их переплетение начинает изменять содержание политики, создавать некое новое ее качество.

Исключительно важен в этой связи вопрос о перспективах представительной демократии. Уже отмечалось, что императивы нынешней модели глобализации, отвечающей интересам корпоративного капитала, зачастую противоречат интересам большинства населения. Не менее существенно и то, что порождаемые глобализацией новые явления — «корпоративный переворот», международный терроризм, массовая иммиграция существенно меняют условия функционирования демократических институтов. Так, «корпоративный переворот», сопровождающийся закрытостью принятия решений, ведет не только к недовольству функционированием демократии. Часть населения принимает новые правила игры, сужение «поля демократии». Эта установка массового сознания подкрепляется тем, что «корпоративный переворот» совпадает по времени с резким нарастанием террористической угрозы, заставляющей многочисленные слои населения соглашаться с ограничением своих прав и свобод и непубличностью политики. Отношение Запада к либеральным правам и свободам меняет и массовая иммиграция мусульман. Воспринимая ее как «нашествие», ставящее под угрозу основы существования западной цивилизации, многие европейцы пересматривают традиционный либеральный подход к правам человека, ставят под сомнение идеи мультикультурализма и политкорректности. На Западе все шире распространяется точка зрения, что сами принципы либеральной демократии несут в себе угрозу ее выживанию. Показательна в этом свете работа известного американского политолога Ф. Закариа «Будущее свободы», лейтмотив которой — мысль о том, что

⁴ Перегудов С.П. Корпоративный капитал и политическая власть: динамика взаимодействия. С. 39.

Запад сегодня страдает от избытка либеральной демократии, а потому нуждается «не в большей, а в меньшей демократии»⁵.

⁵ Zakaria F. The Future of Freedom. Liberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., 2003. P. 248.

Сказанное позволяет заключить, что усиление корпораций с их неоднозначной ролью в современном мире входит в число важнейших факторов, со всей остротой ставящих вопрос о необходимости переосмысления традиционной парадигмы либеральной демократии.